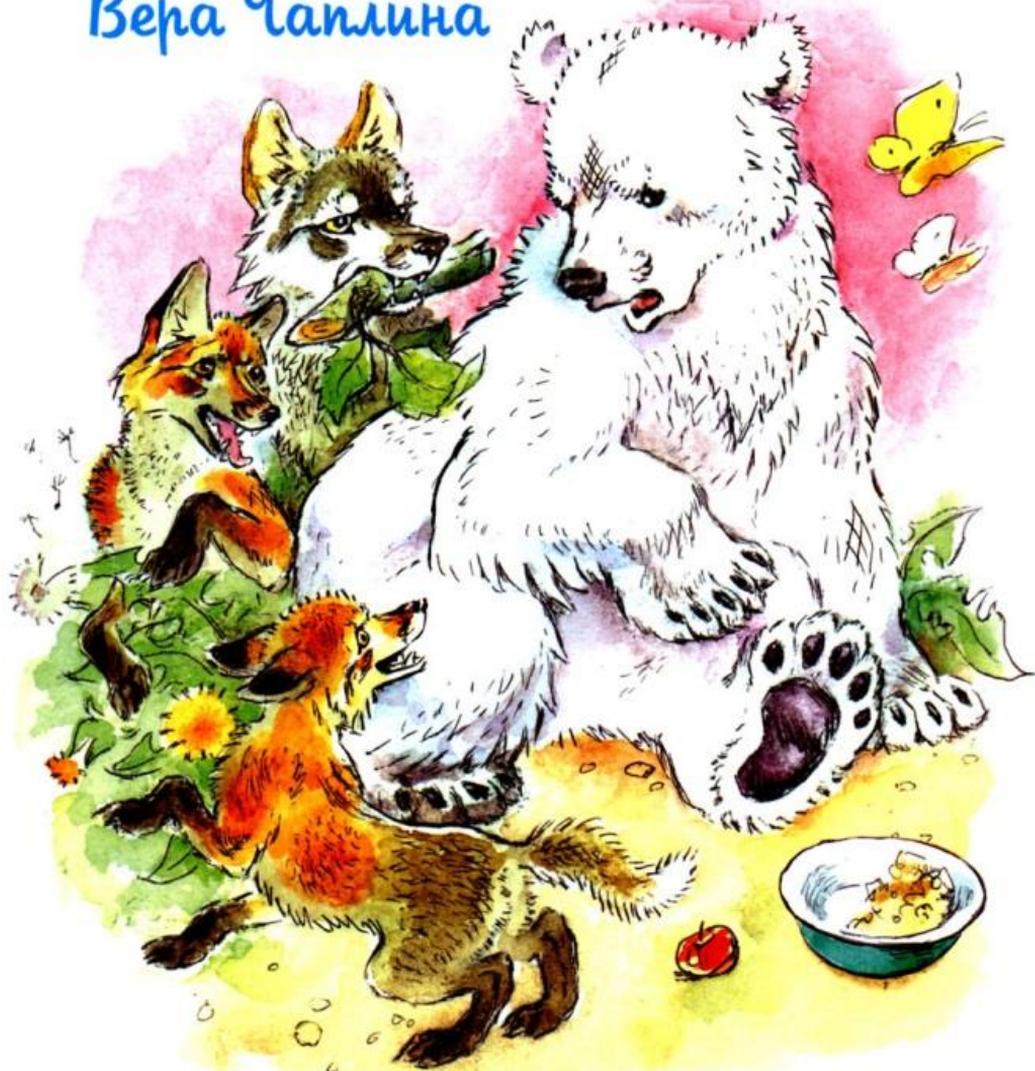

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Вера Чаплина

МОИ ПИТОМЦЫ

* РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ *

Вера Чаплина

МОИ ПИТОМЦЫ

* РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ *

Художник
Владимир Черноглазов

МОИ ПИТОМЦЫ

МАЛЫШКА

САМАЯ СМЫШЛЁНАЯ

Долгое время я работала в Зоопарке со львами, тиграми, но случилось так, что меня перевели работать в обезьянник.

Очень не хотелось мне там оставаться. Обезьян я совсем не знала и не любила. Стою перед клеткой с обезьянами-резусами; их там целая стая – штук сорок – бегают. Смотрю и думаю: «Как же я их различать буду? Уж очень они друг на друга похожи. Одинаковые глаза, мордочки, руки, и даже роста как будто одного». Но это мне только вначале так казалось, а как пригляделась к ним – вижу, что хоть и одной они породы, а друг на друга не похожи. У того, которого звали Вовкой, голова гладкая, словно причёсанная, не то что у Бобрика. У Бобрика вихры во все стороны торчат, ну совсем как у Стёпки-растрёпки.

Но больше всех отличалась Малышка. Из всех обезьян

она была самая маленькая, оттого её так и прозвали. Мордочка у Малышки остренькая, а сама она ловкая, шустрая. Как войду я в клетку, все обезьяны разбегутся, а Малышка чуть-чуть отойдёт в сторону и поглядывает на моё решето, в котором я приносила фрукты.

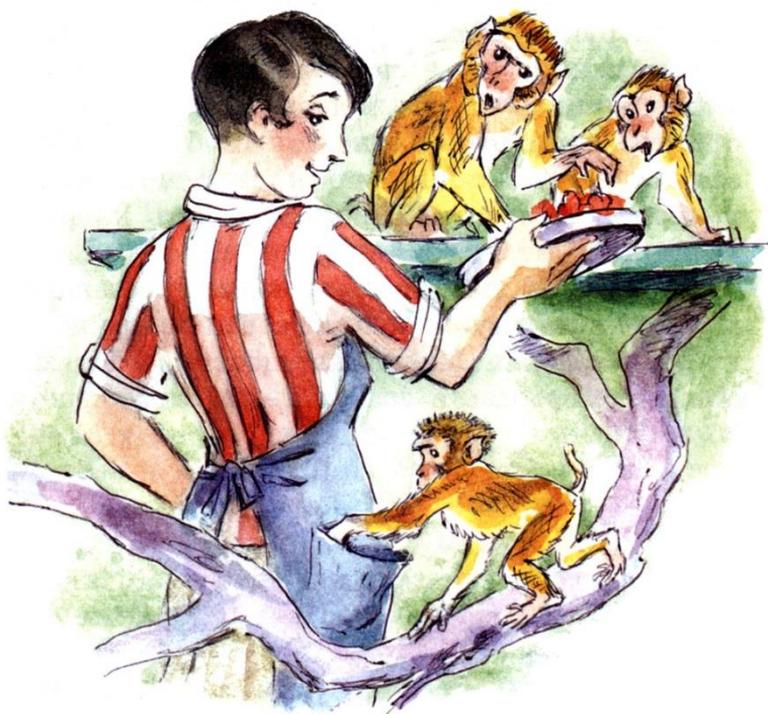
Вот эту-то Малышку и решила я приручить. Нелёгкое это было дело.

Долго не решалась ко мне подойти трусишка. Стоило только к ней протянуть руку, как она быстро отскакивала и убегала. Но я терпеливо просиживала в клетке часами и время от времени бросала ей самые вкусные кусочки.

С каждым днём Малышка привыкала ко мне всё больше и больше. Не убегала, когда я подходила, а однажды так расхрабрилась, что чуть не вырвала у меня печеньё, которое я хотела дать другой обезьяне. Как-то даже пыталась залезть ко мне в карман. Уже протянула руку, но тут же сама испугалась своей храбрости и удрала. С тех пор я стала нарочно класть сладости в карман. И делала это так, чтобы Малышка видела. Я уже знала, что она большая сластёна.

Обезьянка внимательно наблюдала, как я кладу в карман грушу или кусочек сахару, а потом вытягивала трубочкой ротик и жалобно кричала. И всё-таки в карман она залезть решилась. Чтобы не испугать воришку, я нарочно отвернулась, как будто ничего не замечаю. А Малышка быстро вытащила у меня из кармана кусочек сахару и, воровато оглядываясь, на всякий случай уселась подальше.

После этого её робость как рукой сняло. Не успевала я войти в клетку, как она прыгала мне на плечо и устраивала настоящий обыск. Быстрые тонкие ручонки ловко обшаривали карманы. Ключи, деньги, платок – всё тащила Малышка. Один раз она даже утащила зеркальце. Забралась на самый верх и стала его разглядывать. Вертит во все стороны, смотрит, понять не может, куда же девается та, другая обезьянка, которую в зеркальце видно. И чего она

только не делала, чтобы своё отражение поймать! За зеркало заглядывала, старалась руками схватить и даже пробовала укусить. Тут уж я испугалась: Малышка могла разбить стекло и порезаться. Хотела отнять зеркала, да не тут-то было! Обезьянка бегала с ним по клетке и никак не хотела отдавать. Пришлось звать на помощь тётю Полю.

Тётя Поля ухаживала за обезьянами давно, и они её слушались. Она вошла в клетку и погрозила Малышке щёткой. Щётку Малышка боялась и сразу бросила зеркальце.

НАКАЗАННАЯ ЖАДНОСТЬ

Как и все обезьяны, Малышка была очень жадная. Меня она совсем перестала бояться, и когда я входила в клетку с кормом и давала не ей, она щипала мне руки. А щипалась Малышка очень больно, и у меня руки часто были в синяках. Она не боялась даже Гришку.

Гришка – это тоже обезьяна. Но он был вожак. На воле многие обезьяны живут стаями; из них самая большая и сильная обезьяна бывает вожаком. Она охраняет от опасности всю стаю, защищает её. Своего вожака обезьяны слушаются и боятся. Так и тут, в клетке, Гришку тоже слушались и боялись. Когда обезьян кормили, ни одна не смела раньше его взять корм. Все ждали, пока наестся Гришка. А Гришка неторопливо выбирал самое вкусное и, наевшись, медленно и важно взбирался на свою любимую полочку. Тогда, осторожно оглядываясь на него, слезали остальные обезьяны. Они торопливо совали себе за щёки всё, что попадало под руки, и спешили разбежаться по местам. Держал всех Гришка в страхе.

Он мог безнаказанно бить и кусать обезьян, но другим драться не позволял. Горе тому, кто попытался бы обидеть обезьяну из его стаи! Тут уж Гришка не разбирал, какой враг был перед ним, и первый бросался на защиту. Зато когда Гришке было холодно, он собирал обезьян в кучу, заставлял их себя греть или искать у него блох.

Одна Малышка не слушалась Гришку. Она никогда не искала у него блох, не грела его, как остальные обезьяны. Ловкая и быстрая, она вовремя успевала убежать от опасности или, чувствуя во мне защитника, таскала у него из-под самого носа корм. Набивала за щёки орехи, хватала яблоки и неуклюже ковыляла в сторону, чтобы поесть.

Долго терпел это Гришка. И вот однажды, когда Малышка, как всегда набрав корм, медленно взбиралась наверх, Гришка бросился на неё. От неожиданности у Ма-

лышки всё выпало из рук. Она взвизгнула, хотела бежать, но было поздно. Гришка крепко держал её за хвост, бил, кусал и царапал. Напрасно мы с тётей Полей кричали на него, грозили щёткой, напрасно цеплялась руками, ногами за решётку и старалась вырваться Малышка – ничего не помогало. Гришка затащил её на самую верхушку клетки, всё отнял и даже вытащил тот кусок сахара, который она спрятала за щёку.

Так была наказана Малышка за свою жадность.

РЕЗИНОВЫЙ ТОВАРИЩ

Кто-то бросил в клетку к обезьянам конфету. Конфета была крашеная, в бумажной обёртке. Малышка её съела и заболела. Целыми днями сидела Малышка на полочке, такая печальная: вся съёжилась, как будто замёрзла. Ввалились похудевшие бока, а всегда блестящая шёрстка стала тусклая, взъерошенная.

Теперь никто не прыгал ко мне на плечо, не щипал руки и не устраивал обыска. Позвали врача. Врач внимательно осмотрел больную и прописал ей касторку и грелку на живот.

Касторку пришлось давать силой. Малышка никак не хотела её принимать, а с грелкой получилось ещё хуже. Четыре раза пробовали привязывать ей грелку на живот, и четыре раза сбрасывала её Малышка.

Тогда пришлось действовать хитростью.

Малышку перевели в такую тесную клетку, что она едва могла в ней поместиться, а на пол положили резиновый пузырь с горячей водой. Ой, как испугалась его Малышка! Он лежал перед ней, такой незнакомый, такой страшный...

От страха Малышка забилась в самый угол клетки и с ужасом в глазёнках следила за пузырьём. Так, не шевелясь, просидела она несколько часов. За это время мы несколько раз меняли воду, а Малышка всё боялась даже шевельнуться. Потом осторожно, не спуская глаз с пузыря, подошла ближе и тихонько тронула его рукой. Пузырь был приятно тёплый и не кусался. Тогда, осмелев, она прижалась к нему всем своим маленьким, худеньким тельцем, крепко обняла руками и уснула.

С этого дня Малышка с пузырьём не расставалась. Придерживая его рукой около живота, перебегала с ним с места на место и даже пыталась искать на нём блох. Блохи на пузыре, конечно, не водились, но искать их означает у обезьян самое большое расположение. А сколько трудов стоило отнять пузырь у Малышки, когда она поправилась! Обезьянка никак не хотела расставаться со своим резиновым другом. Она прижимала его к груди и так кричала, словно у неё отнимали детёныша.

Почти месяц прошёл после того, как Малышку вернули обратно к её подругам, но если проносили мимо клетки пузырь, она подбегала к решётке, вытягивала губки трубочкой и жалобно кричала.

РАЗОБЛАЧЁННАЯ ХИТРОСТЬ

Для отправки в другой зоопарк нужно было поймать обезьяну. Поезд отходил в этот же день вечером. Решено было отдать Малышку. Из всех обезьян она была самая ручная, и ловить её было легче, чем других. Но это только казалось, а на самом деле получилось совсем не так. Не успел зоотехник войти в клетку, как все обезьяны очутились наверху. Они хорошо знали зоотехника. Ему часто приходилось ловить обезьян, и они его прекрасно запомнили. Бывало, издали увидят и такой шум поднимут, что все сразу знают, кто идёт.

Увидев, что Малышку так просто не поймать, зоотехник решил взять её хитростью. Он надел тёти Полину кофту, юбку, покрыл голову платком и даже походку изменил, чтобы обезьяны его не узнали, и вошёл в клетку. Увидели его обезьяны – понять не могут: как будто на тётю Полю похож, а словно и не она. Крутятся вокруг, а подойти не решаются. Зоотехник кому грушу бросит, кому яблоко, а сам к Малышке подбирается. Яблоко ей протягивает.

Смотрю я на него, а у самой сердце замирает: «Поймает мою Малышку, обязательно поймает!» Только вижу – не поддаётся Малышка. К яблоку тянется, а сама так подозрительно на ноги зоотехника поглядывает. Смотрю я тоже и вижу – торчат из-под юбки большущие сапоги. Глядит на них Малышка.

Сапоги к ней шагнут ближе, а она от них отодвинется дальше. Отодвигается, а сама всё на сапоги смотрит. Смотрела, смотрела да вдруг как завизжит! В один миг все обезьяны очутились наверху.

Потом Гришка-вожак крикнул «кра», и все, как по команде, кинулись на зоотехника.

В одну минуту был сорван платок, разорваны юбка и новая кофта тёти Поли. Напрасно пытался защищаться и отмахиваться зоотехник. Сорок пар ловких обезьяньих рук хватили и рвали одежду, щипали лицо.

На шум прибежала тётя Поля и кинулась на помощь зоотехнику. Но отбить его от разъярённых обезьян оказалось делом нелёгким: они никак не хотели расставаться со своей жертвой.

С большим трудом, загоразивая руками лицо и голову, весь оборванный и исцарапанный, выскочил наконец зоотехник из клетки.

А обезьяны ещё долго не могли успокоиться, волновались, делали в его сторону угрожающие движения, кричали.

Вот как была разоблачена хитрость зоотехника и осталась в Зоопарке Малышка.

ПОБЕГ

Когда наступали тёплые, солнечные дни, обезьян переводили из зимнего помещения в большую, просторную вольеру.

Целыми днями бегали по ней и гонялись друг за другом обезьяны. Словно акробаты, прыгали они с трапеции на трапецию, ходили по туго натянутому канату, взбирались по гладкому шесту.

Одна Малышка не играла. Мы даже удивлялись: всегда такая весёлая, она сидела часами около решётки, смотрела на деревья, которые росли совсем рядом. Иногда ветер склонял какую-нибудь веточку чуть ближе, и тогда Малышка просовывала через решётку руку и старалась её достать. А потом опять сидела и часами смотрела на закрытую дверь.

И вот однажды, когда тётя Поля чуть пошире открыла дверь, чтобы войти в клетку, Малышка ловко проскочила около служительницы и, прежде чем та успела вскрикнуть, очутилась на самой верхушке дерева. Напрасно её звала и манила самыми вкусными вещами тётя Поля. Напрасно плакала и просила слезть. Маленькая беглянка даже не повернула головы, а когда прибыла помощь в лице коменданта и его помощника, она ловко перепрыгнула с одного дерева на другое, перескочила через забор и быстро скрылась из виду.

Через несколько минут звонили по всем телефонам Зоопарка:

– Алло! У вас ушла обезьяна? Она на Пресне.

– Говорит милиция. Это ваша обезьяна скрылась в сторону Тишинской улицы?

Комендант Зоопарка не успевал класть трубку, как

опять раздавались звонки: говорят с Георгиевской площади, с Больших Грузин, с Курбатовского... Одним словом, звонили со всех улиц, где пробегала Малышка.

Мы с тётёй Полей бросились на поиски. Прибегаем к Курбатовскому переулку, смотрим – у дома стоит толпа, а Малышка по карнизу третьего этажа мечется.

Металась, металась да как прыгнет в открытое окно – только горшки с цветами посыпались.

Тут мы с тётёй Полей скорей в этот дом кинулись. Бежим по лестнице, а навстречу из квартиры какая-то женщина выскочила. Сразу догадались мы, где наша Малыш-

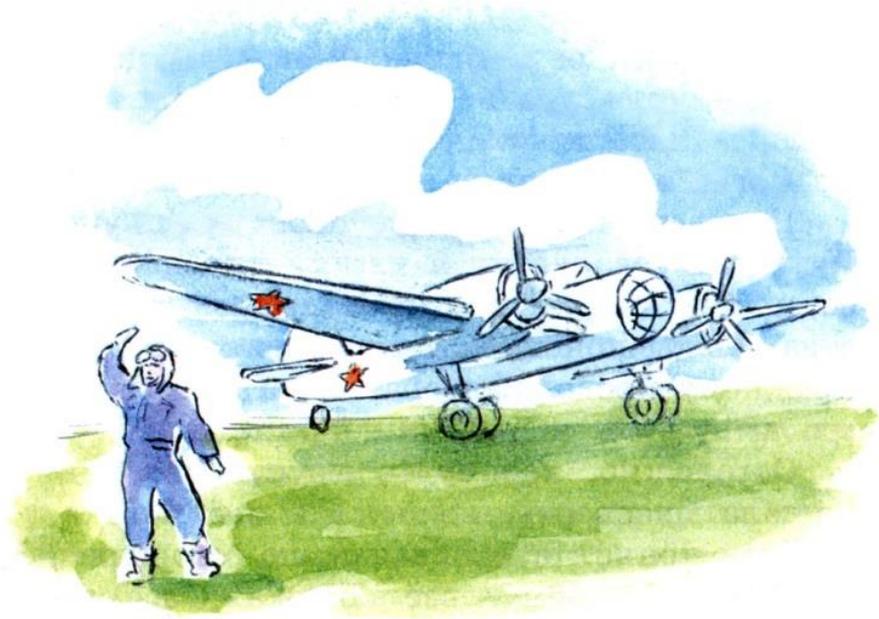
ка. Вошли в комнату, а там перепуганная обезьяна из угла в угол мечется. Насилу её поймали.

Завернули мы Малышку в халат, чтоб по дороге она не удрала, и скорей в Зоопарк побежали.

В Зоопарке посадили Малышку в прежнюю клетку. Как обрадовались обезьяны, когда увидели беглянку! Окружили её, ласкали и что-то лопотали на своём обезьяньем языке, а Малышка сидела на полочке и ела самое большое яблоко, которым её угостила тётя Поля.

ФОМКА – БЕЛЫЙ МЕДВЕЖОНОК

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ПАССАЖИР

Попал Фомка в Москву не поездом, не пароходом, а прилетел на самолёте. Маршрут его: остров Котельный – Москва. Управлял этим самолётом знатный лётчик Илья Павлович Мазурук. Это ему, Илье Павловичу, преподнесли жители острова Котельный такой подарок, и экипаж самолёта решил взять его с собой в Москву.

Фомку – так звали медвежонка – поместили на самолёте в ящике. Ящик сколотили большой, крепкий, затянули одну сторону сеткой. Сначала Фомка сидел в нём очень спокойно. Но не успел самолёт оторваться от земли, как Фомка вцепился в сетку, стал рвать её зубами, лапами и поднял такой крик, что даже шум мотора не мог его заглушить.

Напрасно пробовали успокоить крикуна. Напрасно совали ему в клетку тюленьё мясо, рыбий жир и другие медвежьи лакомства. Медвежонок охрип от крика, но по-

прежнему продолжал орать. Тогда решили его выпустить и открыли клетку.

Осторожно, как будто кругом его поджидала опасность, вышел из неё Фомка. Насторожённо оглядываясь по сторонам, обошёл он кабину, всё обнюхал, всё осмотрел, потом влез на широкое кожаное кресло и с любопытством стал смотреть в окно. Кожаное кресло стало его любимым местом. На нём Фомка спал, ел и проводил почти всё время. На остановках его выпускали погулять. Фомка уже понимал, когда приземляется самолёт, соскакивал с кресла и занимал место около двери. А как он спешил выскочить, когда открывали её! Кубарем скатывался он с крутой лесенки на землю, и вот тут-то начинались его игры. Фомка без удержу катался по траве, переворачивался на спину, на живот или ловил свою заднюю лапу, обхватывал её и боролся сам с собой.

Он возился с таким азартом, что даже не замечал собравшихся вокруг людей. Но как бы он ни был занят, как бы ни был увлечён игрой, стоило кому-нибудь крикнуть: «На самолёт!» – или зашуметь пропеллеру, как Фомка ментально прекращал игру и во всю свою медвежью прыть мчался к самолёту.

Он так смешно и неуклюже карабкался по лесенке, так спешил попасть первым в кабину, что можно было подумать, что он боится отстать.

Так прилетел в Москву белый полярный медвежонок Фомка.

В Москве Илья Павлович решил подержать его у себя на квартире. Да не тут-то было! Представьте себе белого полярного мишку, одетого в тёплую шубу. Такую тёплую, что искупаться в самый лютый мороз для него одно удовольствие. И живёт этот мишка не на дальнем Севере, среди простора вечных льдов, а в самом центре Москвы, в квартире, в тепло натопленных комнатах.

От жары Фомка не находил себе места. Одно спасение

– ванна. Нальют ему полную ванну воды, залезет он в неё, барахтается, ныряет, лапами по воде шлёпает.

От медвежьего купания только брызги во все стороны летят и на полу – лужи.

Накупается Фомка, вылезет и начнёт по натёртому полу, словно по льду, кататься. А то ещё на диван или на постель мокрый залезет. Никакого сладу с ним нет. Терпел Илья Павлович, терпел, потом уж сил совсем не стало. Позвонил он в Зоопарк и стал просить, чтобы медвежонка забрали: «Приезжайте! Выручайте! Не умеет белый медведь себя в квартире вести».

За Фомкой послали меня. Когда я приехала, Фомка спал. Он лежал на полу, посередине большого кабинета. Все четыре лапы его были раскинуты в разные стороны, и он был похож на маленький коврик.

Спал Фомка так крепко, что даже не проснулся, когда я взяла его на руки.

Очнулся он уже внизу, на улице, от крика какой-то старушки:

– Батюшки! Да, никак, медведя тащат!

Фомка рывкнул, вырвался и... бросился в стоявший около тротуара чей-то автомобиль. Наверно, он его принял за самолёт. Схватился за дверцу лапами, дёргает, а там пассажиры сидят. Увидели они – белый медведь к ним лезет, перепугались, в другую дверцу выскочили и стали кричать. Тут Фомка ещё больше испугался. Как заревёт! Да за ручку как дёрнет! Не выдержала дверца напора, открылась. Я и ахнуть не успела, как он уже в машине, на сиденье, очутился. Сел и успокоился сразу. Фомка-то успокоился, а владельцы машины ещё больше кричат, ругаются, медведя убрать требуют. Легко сказать – убрать, если он из машины вылезать не хочет. Я его тащу, а он упирается, кричит, царапается.

На шум прибежал милиционер. Внимательно всё выслушал и неожиданно сказал:

– А вы, граждане, чем тут шум поднимать, лучше помогли бы до Зоопарка зверя доставить!

Слова милиционера подействовали. Хозяева машины успокоились и даже любезно предложили мне свою машину, а сами согласились ехать в нашей, зоопарковской. Однако пришлось поменяться не только машинами, но и шофёрами, потому что их шофёр ни за что не соглашался ехать с медведем.

Всю дорогу Фомка сидел спокойно и внимательно глядел в окно, а прохожие останавливались, подолгу смотрели нам вслед и удивлялись, откуда это белый медведь в машине взялся.

До Зоопарка мы доехали благополучно. Правда, Фомка никак не хотел вылезать из машины, но тут к нам на помощь пришёл зоотехник. Выбрав удобный момент, он

схватил Фомку за шиворот и, прежде чем тот успел опомниться, водворил его в клетку.

СЕКРЕТ БОЛЕЗНИ

На новом месте Фомка ничуть не смутился. Обошёл клетку, обнюхал её, залез в домик и сразу уснул. Пока Фомка спал, служительница молодняка тётя Катя старательно готовила ему угощение. У нас ни разу не было на площадке белого медвежонка, и нам всем хотелось его накормить повкусней.

Наконец договорились сделать молочную кашу и дать кусок тюленьего жира, а тётя Катя ещё решила добавить от себя морковку и яблоко.

Одним словом, когда всё было готово, Фомка уже проснулся. Нужно было видеть, с какой гордостью мы несли ему первый обед! Впереди шла практикантка Липа и несла кашу, за ней важно шагала с морковкой и яблоками тётя Катя, последней шла я и несла тюлений жир, который имеет такой ужасный запах, что пришлось свободной рукой затыкать себе нос.

Первой вошла в клетку Липа. Она ещё не успела поставить миску с кашей, как Фомка перевернул её, понюхал и тут же подбежал к тёте Кате. Тётя Катя выложила перед ним морковку и яблоко и откуда-то из кармана ещё достала печенье. Но Фомка и на эти лакомства не обратил внимания. Он уже стоял около решётки и жадно смотрел на меня. Я открыла дверь, и тюлений жир, словно большая медуза, шлёпнулся к лапам медвежонка. Липа, тётя Катя и я – все думали, что теперь-то Фомка наверное будет есть. Однако наши надежды не оправдались. Медвежонок жадно схватил тюлений жир и тут же его выбросил. Тогда мы принесли ему из кормовой всё, что было приготовлено для других зверей, принесли всё без разбора и поставили перед Фомкой.

Но не помогло и это. Фомка всё нюхал, переворачивал и ничего не ел. Сначала мы решили, что он просто сыт, но когда к вечеру он во весь голос заорал от голода и по-прежнему отказывался от пищи, пригласили врача. Пришёл врач. Он хотел осмотреть медвежонка, но тот так кричал, так бушевал, что заходить к нему врач не решился, да и на больного он совсем не был похож. Все были в недоумении от такого поведения медвежонка и решили подождать до следующего дня.

Всю ночь орал и бесновался Фомка, а утром опять не стал есть. Пришлось ехать к Илье Павловичу. Кто знает, может быть, Фомка не ест потому, что скучает по своему хозяину?

Илья Павлович принял меня очень приветливо. Он так расспрашивал о своём питомце, что мне даже не хотелось его сразу огорчать. Но сказать о том, что Фомка не ест, всё же пришлось. Илья Павлович внимательно всё выслушал и вдруг совсем неожиданно рассмеялся.

В это время зазвонил телефон. Илья Павлович взял трубку – его куда-то срочно вызывали. Обещав зайти в Зоопарк, он уехал.

Своё слово Илья Павлович сдержал. Приехал он в этот же день к вечеру. В руках он держал небольшой чемоданчик и прямо с ним пришёл к клетке Фомки. Что было в чемоданчике, мы не знали. Илья Павлович поставил его около себя, сказал, что будет сейчас лечить Фомку, и вынул из кармана большой складной нож. Нас это очень удивило, и мы даже спросили у Ильи Павловича, зачем ему нож и не лучше ли позвать врача.

Но Илья Павлович только загадочно усмехнулся, открыл чемоданчик и вынул оттуда банку, на которой было написано: «Сгущённое молоко». Илья Павлович открыл её ножом и дал Фомке. Фомка жадно схватил её передними лапами и своим длинным красным язычком так старательно вылакал молоко и облизал всю банку, что она стала блестящей, как начищенная.

Пока Фомка ел, Илья Павлович объяснил нам секрет его «болезни». Секрет заключался в том, что медвежонка кормили на самолёте только сгущённым молоком, и он так к нему привык, что отказывался от другой пищи.

Больших трудов стоило потом нам отучить Фомку от этого лакомства. Он упорно от всего отказывался, капризничал, и, чтобы заставить его поесть, приходилось ко всему добавлять сгущённое молоко. Добавляли в кашу, в суп и даже в рыбий жир. Так постепенно приучали мы Фомку к другой пище, вылечили от его «болезни» и перевели на обычную для белого медведя еду.

ФОМКА ЗНАКОМИТСЯ...

Вскоре мы стали выпускать Фомку на площадку молодняка. Сначала выпускали одного, но Фомка один не играл. Он слонялся из угла в угол и жалобно хныкал от

скуки. Тогда мы решили познакомить его с другими зверятами. Выпустили на площадку лисиц, медвежат, волчат, еноток. Когда все звери разыгрались, пустили к ним Фомку.

Фомка вышел из клетки так, как будто никого не видел, но по тому, как он сопел, как низко опустил голову и смотрел исподлобья своими маленькими глазками, было видно, что он всё и всех замечает.

Зверята тоже увидели его сразу, но отнеслись к нему каждый по-своему: волчата поджали хвосты и, осторожно оглядываясь, отошли в сторону, у енотов вся шерсть поднялась дыбом, отчего они стали похожи на большие шары, а барсучата бросились в разные стороны и мгновенно скрылись из виду. Но больше всех испугались бурые медвежата. Как по команде, встали они на задние лапы, вытирали глазёнки и долго удивлённо смотрели на незнакомого им белого мишку. А когда он направился в их сторону, они от ужаса рывкнули и, сшибая друг друга с ног, полезли на самую верхушку дерева.

Самыми храбрыми оказались лисята и динго. Они вертелись около самой морды медвежонка, но каждый раз, когда он пытался кого-нибудь поймать, ловко увёртывались.

Одним словом, на площадке, где было столько зверят, Фомка опять остался один.

Тогда мы выпустили тигрёнка. Звали его Сиротка. Назвали его так потому, что он вырос без матери.

Зверята боялись сильной, когтистой лапы Сиротки и избегали её. Но разве мог это знать Фомка? Не успели мы выпустить Сиротку, как он сразу побежал к ней. Сиротка зашипела на незнакомца и предостерегающе подняла лапу. Но не понял тигриного языка медвежонок. Подошёл ближе и в следующую секунду получил такую затрещину, что едва устоял на ногах.

Такой предательский удар привёл Фомку в ярость. Низко опустив голову, с рёвом ринулся он на обидчика.

Когда мы прибежали на шум, трудно было разобрать, где тигрёнок и где медвежонок. Оба крепко вцепились друг в друга, рыча катались по земле, и только белая и

рыжая шерсть летела клочьями во все стороны. С большим трудом удалось нам разнять драчунов. Рассадили их по клеткам и только через несколько дней решились выпустить опять.

На всякий случай теперь за ними следили, но наши опасения, оказались напрасными. Померившись силами, они стали с большим уважением относиться друг к другу. Фомка не подходил к Сиротке, а Сиротка не замахивалась на него лапой, когда он проходил мимо.

По-иному отнеслись к Фомке и другие зверята. Бурые медвежата лезли к нему бороться, а волчата и енотки больше не убегали. И всё-таки Фомке было с ними неинтересно. Он охотно гонялся за лисятами и динго, боролся с медвежатами, но было видно, насколько он всех сильнее и как легко ему даётся победа. Фомке же хотелось помериться силою с равным противником, а таким противником была только Сиротка. Она тоже заметно интересовалась Фомкой.

Знакомились они друг с другом постепенно, в игре, а недели через две уже были настоящими друзьями.

Целые дни проводили они вместе.

Интересно было наблюдать за их играми. Сиротке нравилось прятаться, а потом неожиданно нападать. Бывало, идёт Фомка, а она выпрыгнет, схватит медвежонка за ши-

ворот, трепанёт его раз-другой – и бежать. А Фомка наоборот – любил побороться. Обхватит тигрёнка лапами, прижмёт к себе и на обе лопатки положить старается. Трудно вырваться из медвежьих объятий, да не сдаётся полосатый хищник: упрётся лапами в живот Фомке, от себя оттолкнуть пытается. Много народу собиралось тогда у площадки. Находились такие любители, которые специально приходили смотреть их борьбу.

Обыкновенно борьба кончалась вничью. Но как-то раз Сиротка так надоела неповоротливому медвежонку, что он залез от неё в воду. Сидит Фомка, прохлаждается, а Сиротка вокруг ходит, достать не может. Долго ходила она так, потом не выдержала да как прыгнет! Промахнулась и в воду шлёпнулась. Вот тут-то и задал ей трёпку Фомка. В воде он оказался куда поворотливей тигра. В одну минуту подмял под себя и так возил под водою, что чуть не утопил. Вся намокшая и перепуганная, с трудом вырвалась из медвежьих объятий Сиротка и позорно бежала в свою клетку. После этого Сиротка уже опасалась подходить к бассейну, когда там сидел Фомка, и даже пить воду уходила в другое место.

Однако этот случай ничуть не помешал их дружбе, и они по-прежнему большую часть дня проводили в играх.

ФОМКА СТАНОВИТСЯ ОПАСНЫМ

К осени Фомка так вырос, что в нём с трудом можно было узнать прежнего медвежонка. Правда, с животными на площадке он, как и раньше, уживался хорошо, не обижал слабых и дружил с Сироткой, зато с людьми стал вести себя намного хуже. Раньше слушался, а теперь не позволял собой распоряжаться даже тётке Кате.

Бедная тётя Катя! Ей приходилось пускаться на всякие хитрости, чтобы заставить зайти Фомку в клетку, если ему не хотелось этого делать.

Обычно весь молодняк заманивали в клетку на корм. Положат что-нибудь съедобное, и они сразу вбегут. Но Фомку кормом не соблазнишь. Его живот был всегда набит пищей, как барабан. Ему давали подачки за каждый пустяк: за то, чтобы он не подходил к барьеру, чтобы не мешал убирать площадку, и, наконец, просто за то, чтобы не кусался. Чуть только глянет Фомка не так, ему сразу суют что-нибудь вкусное. Одним словом, за каждый пустяк с Фомкой расплачивались пищей, и к концу дня он так наедался, что не шёл в клетку за самым лучшим лакомством.

И чего только не делала тогда тётя Катя, чтобы заманить Фомку! Подолгу упрашивала упрямца, старалась чем-нибудь его заинтересовать. Фомка оказался очень любопытным медвежонком. Стоило ему увидеть незнакомую вещь, как он спешил подойти ближе, получше её рассмотреть.

Заметив у Фомки эту слабость, тётя Катя стала ею пользоваться. Она заходила в клетку, клала на пол косынку, жакет или что-нибудь ещё. Делала вид, что разглядывает что-то интересное, трогала, брала в руки. Иногда ей приходилось делать это довольно долго, смотря по настроению Фомки. А иногда он заходил быстро. Тогда тётя Катя ловко выдёргивала у него из-под носа приманку, исчезала из клетки и быстро захлопывала дверь. Но не всегда всё проходило благополучно. Случалось и так, что тётя Катя не успевала выдернуть приманку, и тогда Фомка расправлялся с ней по-своему.

Однако умный Фомка скоро разгадал эту хитрость. С каждым днём всё труднее и труднее было справиться с подраставшим медвежонком. А после того как он сильно искусал дежурную, было решено перевести его на Остров зверей. Жалко нам было расставаться с Фомкой, но ничего не поделаешь – слишком он стал опасным для людей на площадке.

На Острове зверей был свободный загон с большим, глубоким водоёмом. Было где побегать, поиграть, искупаться. Вот в него-то и поместили Фомку.

Когда Фомка очутился один на новом месте, он страшно испугался. Метался по загону, жалобно кричал и всё искал, где бы вылезть. Но вылезть было негде. Тогда

Фомка забился в угол и ни за что не хотел выйти даже за кормом. После площадки, где он находился среди стольких зверей, тут ему было одному очень скучно. Он слонялся по всему загону и совсем перестал играть. Но недолго скучал Фомка. Скоро привезли в Зоопарк ещё одного медвежонка, Машку, и пустили её к Фомке. Она была намного меньше Фомки, но он её не тронул. Ласково пофыркивая, обнюхал он Машку, и они уже вместе полезли в воду.

Весь день они купались и играли, а к вечеру медвежата крепко уснули, обняв друг друга лапами.

Фомка успокоился, перестал скучать. Ему жилось очень весело со своей подругой – белым медвежонком Машкой.

НАЯ – ВЫДРЁНОК

МАЛЕНЬКИЙ ПРИЁМЫШ

Ная – это выдрёнок. Туловище у Наи длинное и гибкое, словно без костей; головка приплюснутая, похожа на змеиную, и маленькие, как бусинки, глаза. Если разбирать по отдельности, Ная могла показаться просто уродкой, но, покрытая пушистой шерсткой, она была такая хорошенькая, что каждому хотелось её приласкать.

Взяла я Наю совсем маленьким выдрёнком. Много возни с таким малышом: нужно кормить его и днём и ночью, а если он озябнет, согреть его – класть рядом бутылку с горячей водой. В это время я была в отпуску и жила на даче под Москвой. Ная мне очень понравилась, и я решила взять её к себе на воспитание.

В тот же день со своим новым питомцем ехала я на дачу.

В вагоне было очень тесно. Я с трудом нашла свободное место и села. Выдрёнок лежал в корзинке и, свернувшись клубочком, крепко спал. Я поставила корзинку ря-

дом с собой и задремала. Проснулась я от резкого свиста. Сидящая рядом со мной пассажирка с криком шарахнулась в сторону. Вся публика в вагоне обернулась. В чём дело, сообразила я только после второго свиста. Причиной переполоха оказалась маленькая Ная. Ей надоело сидеть в тесной корзине, и, выскочив оттуда, она призывным свистом звала свою мать.

Сунув обратно выдрёнка, я перешла в соседний вагон, и остальную часть пути мы уже проехали благополучно.

Дома больше всех обрадовался Нае мой сынишка Толя. Он где-то читал о том, как хорошо плавает и ловит рыбу выдра, и вот теперь у него есть настоящая маленькая выдра; он уверял нас, что, когда Ная вырастет, она обязательно будет ловить ему рыбу.

Толя взялся ухаживать за ней сам. В углу около своей постели приготовил он для Наи тёплое, удобное гнёздышко, напоил её молоком и уложил спать. Уснула Ная почти сразу, на боку, а лапку положила под головку, совсем как человек. Спала она так почти всегда или ещё ложилась на спинку и складывала лапки на животе. Тогда Толя покрывал её одеяльцем, и выходило очень забавно.

Ная скоро привыкла к нам: узнавала всех по голосу, звуку шагов. Ещё только к двери подходишь, а она уже бежит навстречу и звуками, похожими на щебетанье птицы, выказывает свою радость. Вообще Ная была очень ласковым и весёлым зверьком. Почти всё время проводила она в играх: кувыркалась через голову, ловила себя за хвост. Была у неё и своя любимая игрушка – Толина плюшевая собачка. Чего только Ная с ней не выделявала! То вдруг бросалась на неё, как на добычу, и теребила за большие мягкие уши, то отбегала, высоко подняв свой длинный хвост, и снова кидалась. Или же ложилась на спину, обнимала передними лапами собачку и начинала с ней бороться. В её лапах собачка становилась как живая: подпрыгивала, как будто нападала, отскакивала. Устав,

Ная засыпала тут же, рядом с игрушкой. Если же собачку убирали, она скучала, искала её по комнате и тонко пищала.

В РОДНОЙ СТИХИИ

Когда Нал подросла, мы стали ей давать, кроме молока, ещё рыбу: сначала чищеную и мелко нарезанную, потом целиком и даже живую. Рыбу приносили ребята. Они очень интересовались выдрёнком. Приходили к нашему дому и терпеливо ждали, когда кто-нибудь выйдет с Наей погулять.

Пая ребят любила, играла с ними и никогда не кусала. Скоро у неё среди детворы появилось много друзей. Бывало, придёшь домой, а дверь вся увешана связками рыбы и записками: «Для Наи от Коли», «Пусть Ная кушает и поправляется. Стёпа Иванов», «Рыбу принёс В. Федосьев»... Одним словом, сколько связок, столько и записок. Приносили и живую рыбу. Приносили в банке с водой и ставили под дверь. Сколько раз случалось – выйдешь из комнаты и ногой в банку с водой угодишь; рыба в одну сторону, банка – в другую, а вода ручейком с лестницы стекает.

Живую рыбу Ная очень любила. Мы наливали в таз воды и пускали туда рыбёшек. Как увидит Ная рыбу в тазу – не удержать её. Словно угорь, в руках извивается, вырвется и сразу в таз бросится, одни брызги во все стороны летят. Где выдра, где рыба – ничего не разберёшь, только таз ходуном ходит. Но какая бы рыбёшка ни была маленькая, Ная всё равно её поймает.

После купания Ная всегда вытиралась, чаще о Толину постель. Залезет под одеяло и катается под ним, пока сухая не станет. Она-то сухая, а одеяло мокрое; по несколько раз в день его сушить приходилось. А потом ещё повадилась спать вместе с Толей. Залезет вся грязная да мокрая в кровать и прижмётся к нему. Просто беда! И чего Толя ни

делал, чтобы её отучить от кровати: и стульями и щитами какими-то загораживался, когда спать ложился. В комнате настоящую крепость сделает – ни пройти, ни пролезть. Да не тут-то было! От Наи так просто не избавишься. Если ей не удавалось пролезть в какую-нибудь щель, она поднимала такой крик, что всех будила, и Толе волей-неволей приходилось вставать и брать её к себе. Тогда он вот что придумал. Ная, как и все выдры, видела плохо. Пользуясь этим, Толя отвлечёт её чем-нибудь, а сам тут же одним прыжком в кровать бросится и затаится. Не видит Ная Толю. Вытянет длинную шейку и старается уловить по малейшему шороху, где он.

Слух у Наи замечательный. Если Толя не шевелился, Ная свистнет раз-другой, подождёт и, не получив ответа,

уйдёт спать на своё место. Если же Толя не выдержит и хоть чуть-чуть шелохнётся, Ная бросается к нему и просится опять на кровать.

Оставаться одной Нае не нравилось. Когда мы уходили гулять, она так кричала, что приходилось её брать с собой. Прогулки Ная любила, бежала за нами, как собачонка, и ни на шаг не отставала. Гуляли мы с ней везде, только к речке подходить боялись: боялись, что Ная увидит воду, уйдёт и не вернётся.

Но вот однажды мы пошли в лес. На своих коротеньких ножках Ная скоро устала бежать за нами, попросилась в корзинку, да там и уснула. А тут ещё грибы по дороге попались. Куда их складывать?

Конечно, в корзину. Так и клали их, пока Наю совсем не заложили.

День был солнечный, жаркий. Мы решили пойти искупаться и совсем забыли, что в корзине под грибами у нас спит выдра. Подошли к реке, стали раздеваться. Вдруг корзина заколыхалась, посыпались грибы, и, прежде чем я успела сообразить, в чём дело, Ная уже очутилась на берегу.

– Ная, Ная, Ная! – кричали я и Толя.

Но Ная даже не обернулась. В одну минуту подбежала она к воде и со всего размаха бросилась в реку. Некоторое время она плыла на виду, потом вдруг нырнула и сразу исчезла. Напрасно мы бегали вдоль берега, кричали и звали её. Наи нигде не было.

Больше всех огорчён был Толя. Он никак не хотел идти домой без Наи. Всё ходил по берегу и искал её.

День клонился к вечеру. Видно, нечего было больше ждать, и мы уже собрались уходить, когда где-то далеко раздался по реке призывный резкий свист Наи.

– Ная, Ная, Ная! – радостно закричали мы в один голос.

А свист раздавался всё ближе и ближе. И вдруг из-за поворота реки, стремительно рассекая воду, показалась

Ная. Она плыла так быстро, что казалось, будто она летит над водой; изредка она вся как-то выскакивала из воды, поворачивала голову то в одну, то в другую сторону и резко свистела.

Сбросив по дороге одежду, Толя кинулся ей навстречу прямо в воду. Увидев Толю, Ная поплыла к нему. Нужно было видеть, как, не зная от радости, что делать, она то залезала Толе на плечи, то ныряла под него, то, ласково урча, тёрлась о его лицо! Потом выскочила вместе с ним на берег и бросилась вытираться по раскиданной на траве одежде. Она каталась на Толином новом костюмчике, оставляя на нём мокрые грязные следы, но никто не думал на неё за это сердиться. С этих пор мы смело брали Наю с собой купаться, и теперь уже никто не боялся, что она уплывёт.

В ЗООПАРКЕ

Но вот кончились тёплые, летние дни. Наступила осень, и мы переехали в Москву. Взяли с собой и Наю. После дачного приволья тяжело было жить выдре в тесной городской квартире. Она скучала, просилась из комнаты в коридор, из коридора лезла опять в комнату и всё искала привычную свободу. Купалась она теперь в корыте. Искушавшись, Ная лезла вытираться на кровать, на кресла. Держать её больше дома не было никакой возможности.

Да и Толя пошёл в школу, и некому было с ней возиться.

Пришлось отвезти Наю в Зоопарк. Повезла я её одна, без Толи. В Зоопарке Наю поместили в просторную клетку с большим, глубоким водоёмом. В незнакомом месте Ная ничуть не растерялась, сразу бросилась в воду, ныряла, кувыркалась, плавала. Тогда я тихонько вышла из клетки и закрыла за собой дверь. Но как ни тихо я всё это сделала, Ная всё-таки услышала, тут же выскочила из воды и бросилась за мной. Сначала она пыталась пролезть сквозь решётку, пробовала разорвать её зубами. Потом прижалась всем своим телом к холодным металлическим прутьям и как-то особенно тонко и резко закричала.

В эти дни ни я, ни Толя в Зоопарк не ходили. Ему самому была очень тяжела эта разлука, и только мысль, что в Зоопарке Нае гораздо лучше, чем дома, утешала его. Он так горевал, что даже месяца через два, когда я пошла в Зоопарк, отказался идти со мною:

– Всё равно не выдержу и заплачу. Лучше не пойду.

Пришлось идти одной.

Придя в Зоопарк, первым делом я поспешила к клетке, в которой сидела Ная. Подошла и стала так, чтобы она меня не видела. В это время к ней вошёл служитель. Ная подбежала к нему, поднялась на задние лапки и стала просить есть. Служитель вынул из ведра большую рыбу и бросил в воду. Ная тут же её схватила, вытащила и принялась за еду. Тогда так тихо, что и сама, казалось, не слышала своего голоса, я позвала её.

Едва я произнесла её имя, Ная встрепенулась, чуть-чуть подняла головку и вся точно превратилась в слух. Я молчала. Ная резко закричала и, словно ожидая ответа, вновь замолкла. Только глазки её беспокойно искали меня среди появившейся публики. Тут уж я не выдержала, подбежала к клетке, а Ная уже спешила ко мне, протягивая сквозь прутья лапки, старалась поймать мои руки. С этих пор я заходила к ней каждый день.

Служитель открывал мне клетку. Ная нетерпеливо стрекотала, бегала перед дверью, потом лезла ко мне на руки, ласкалась и только после этого начинала играть. Теперь, зимою, игры Наи были совсем другие, чем летом. Её бассейн покрылся толстым льдом, но это не мешало Нае купаться.

Так же, как и раньше, словно приглашая меня следовать за нею, лезла она в воду, ныряла в прорубь. Нырнёт в одну, а вынырнет в другую. Вылезет на горку, на живот ляжет и съедет вниз. Горку она построила себе сама, настоящую, ледяную; сделала её из снежного бугорка на самом краю водоёма. Выскочит из воды и, не отряхиваясь,

вся мокрая, лезет на бугорок. Следом за ней целый ручей бежит и тут же стынет, а она опять то в воду, то на бугорок, и так до тех пор, пока из бугорка не получилась ледяная горка. С этой горки Ная и каталась. Ляжет на

живот или на спинку и в воду съедет. Даже смотреть на неё холодно. Мороз, нос из воротника не высунешь, а ей хоть бы что: как летом, купается. Шерсть у неё была блестящая и такая гладкая да густая, что даже не промокала. Выскочит Ная из воды, отряхнётся – и опять сухая.

Ная очень следила за тем, чтобы проруби не замерзли. Пробивала их головой или обламывала заледеневшие края зубами. Кроме того, во льду у неё были ещё отдушины. Это такие маленькие отверстия, через которые она дышала, когда находилась подо льдом. Сначала я про них не

знала, но как-то раз Ная очень долго не вылезала из проруби. Я испугалась: думала, что с ней что-нибудь случилось. Стала искать. Вдруг вижу – в одном месте снег чуть-чуть подтаял и пар идёт. Подошла ближе, слышу – сопит кто-то подо

льдом, а это Ная от меня спряталась, нос к отдушине прижала и дышит. Потом я нашла ещё несколько таких отверстий. Хотя они были очень маленькие, но не замерзали даже в самые морозные дни. В такие дни у Наи было очень много хлопот, чтобы не дать замёрзнуть её ледяному хозяйству.

Спала Ная в норе, которую вырыла в снегу, а оттуда до самого водоёма сделала коридор под снегом. Вообще Ная любила рыться в снегу.

В свободные дни я брала её с собой на прогулку. Гуляли мы по аллее около большого пруда Зоопарка. Пруд был отгорожен решёткой, но Ная и не пыталась туда пролезть. Зато в сугробы Ная часто залезала, и получалось иногда так: я шла по дорожке, а она рядом, под снегом; но стоило мне свернуть в сторону, как Ная тут же вылезала из-под снега и бежала рядом, со мной.

Я даже удивлялась, как она могла под таким глубоким снегом слышать, что я отхожу в сторону.

Потом она ещё любила делать снежные шары. Особенно в те дни, когда выпадал свежий, мягкий снег. В такой день Ная находила какой-нибудь маленький снежный комочек и начинала его катать перед собой носом. Катала до тех пор, пока из него не выросла большой снежный ком. Иногда ком получался такой большой, что Ная не могла сдвинуть его с места. Тогда она бросалась на него, грызла зубами, разрывала лапами – и делала это до тех пор, пока не разбивала его совсем. После этого она успокаивалась и опять бежала за мной.

Прогулки Ная любила, однако нам скоро пришлось их прекратить. Как-то раз мы пошли, как всегда, гулять около пруда. Вдруг Ная подлезла под решётку и побежала к проруби. Я страшно испугалась. В проруби плавали утки, лебеди, гуси и много других птиц. Они могли испугаться Наи, разлететься, да и она могла их покусать. Когда птицы увидели выдру, поднялся страшный переполох. С криком

и шумом разлетались в разные стороны утки, гуси, казарки. Ная уже хотела повернуть обратно, но тут на неё набросились лебеди.

Один из них с такой силой ударил её крыльями, что она далеко отлетела в сторону. Тогда на неё набросились и другие. Они били Наю. От ударов она, как футбольный мяч, каталась от одного лебедя к другому.

Я подбежала к ней на помощь, но ничего не могла сделать. Разъярённые птицы, наверно, забили бы Наю до смерти, но тут от одного из ударов она скатилась в воду.

Несколько раз она порывалась выбраться ко мне, но каждый раз, когда Ная показывалась из воды, лебеди загоняли её обратно.

Выручила я её с большим трудом, когда отогнала лебедей, но после этого случая прогулки пришлось прекратить. Без прогулок Ная скучала. Когда я проходила мимо клетки, Ная бежала за мной вдоль решётки и жалобно кричала. Чтобы не тревожить её, мне пришлось ходить другой дорогой.

ПОБЕГ

Прошла зима, весна. Наступили тёплые, солнечные дни. Ная стала уже совсем взрослой красивой выдрой, и когда для киносъёмки потребовалась выдра, остановились на ней. Снимали картину про зверей. Нужно было показать, как плавают выдра, как ловит под водой рыбу. Конечно, для этой цели Ная была самой подходящей. Она не боялась людей, хорошо знала своё имя и, самое главное, не пугалась треска киносъёмочного аппарата. Дикие звери часто пугаются этого незнакомого им звука, убегают, прячутся, и их бывает очень трудно снять, а Ная даже не обращала на аппарат внимания.

Начались приготовления к съёмке. Чтобы снять выдру под водой, заказали специальный аквариум. Он был такой большой, что двенадцать человек с трудом сняли его с машины и поставили на место. На дно аквариума положили речной песок, ракушки, зелень. Потом установили три прожектора и два киноаппарата, чтобы сразу снимать с двух сторон. Когда я посмотрела в объектив, у меня было впечатление настоящей реки в разрезе, и я бы ни за что не поверила, что это аквариум.

Но вот всё готово. Служитель принёс в маленькой клетке Наю и пустил её в воду. Много раз видела я, как плавают выдра, но как плавают она под водой – ни разу. Я даже не представляла, что у неё могут быть такие мягкие и плавные движения. Вся вытянувшись, она прижала передние лапки к телу, а задние вытянула вдоль хвоста. Длинная, похожая на змею, как тень скользила она между водяными растениями. Всегда подвижные ноздри Наи были плотно сжаты и не пропускали воду, и только маленькие, как бусинки, глазки блестели. Пустили рыбу. Ная ничем не выдала, что заметила её. Движения её оставались по-прежнему плавными и даже как будто медленными. Но вот, поравнявшись с рыбой, она вдруг резким движением

метнулась в сторону и схватила её. Рыба была большая и сильная. Она била хвостом, старалась вырваться. Но острые и кривые зубы выдры крепко держали добычу.

После подводной съёмки нужно было ещё снять момент, когда выдра входит в воду. Для этого на Новой территории Зоопарка построили особую клетку. В этой клетке сделали искусственную речку и заросли, похожие на те, среди которых живёт выдра на воле. Вдоль берега маленькой речки посадили осоку, кустарник и даже положили старое дерево с дуплом и вывороченными корнями, как будто его свалила буря. Уголок получился очень красивый и дикий. Даже сетки не было видно, так она была замаскирована зеленью. Одним словом, сделали всё, чтобы этот кусочек земли в Зоопарке был похож на кусочек природы.

На новом месте Ная прежде всего принялась обследовать клетку. Облазила траву, кусты, деревья, залезла в старое дупло, попробовала подрывать клетку, но ничего не вышло. Тогда Ная перешла к обследованию сетки, и не было ни одной ячейки, в которую она не старалась бы пролезть. Утром, когда пришли снимать выдру, её в клетке не оказалось.

Наю искали везде, звали, но так и не нашли. Стемнело, и поиски пришлось отложить до утра.

Ночью среди птиц на пруду поднялся страшный переполох. На шум прибежал сторож. Он увидел, как скользнула в воду узкая, длинная тень выдры, а утром остатки

объединной утки и следы выдры говорили о том, что ночь для неё прошла недаром.

На Новой территории Зоопарка находились краснозобые казарки. Это очень редкие и дорогие птицы, а Ная могла передушить всю стаю. Тогда было решено Наю поймать или убить.

Пять дней оставалась неуловимой Ная. Днём она скрывалась среди зарослей пруда, а ночью выходила на охоту. Сторожа много раз пытались её поймать, но она ловко уходила из-под самых рук. О том, что Ная убежала, мне сказал сторож, когда я шла через Новую территорию домой.

– Ная, Ная, Ная! – невольно позвала я её, проходя мимо пруда, как прежде звала её во время прогулок.

И Ная, неуловимая все эти дни Ная, ответила мне призывным свистом. Рассекая воду и распугивая по дороге птиц, подплыла она ко мне. И, как когда-то давно, маленьким выдрёнком, послушно, словно на прогулке, пошла за мною в клетку.

С тех пор прошло несколько лет. Началась война. Надо было вывозить животных. Баржа, нагруженная зверями, шла по Волге, когда три фашистских самолёта один за другим спикировали на неё.

Одна из фугасных бомб попала за борт, другая – в носовую часть, где стояли клетки с животными. Среди них находилась и Ная. Часть животных была убита сразу, часть сброшена в воду или в ужасе металась по барже.

Трудно сказать, что произошло с Наей. Погибла ли она среди обломков баржи или осталась жива в своей родной стихии, не знаю. Но даже и теперь я часто вспоминаю маленького выдрёнка, который когда-то жил у нас дома.

МЕДВЕЖОНОК

КОПУША

Этого медвежонка назвали Копушей, потому что она вечно копалась: последней выходила на прогулку, последней съедала свой обед. Братец Копуши, Драный Нос, самый задорный и злой медвежонок, уже успевал подраться с другими медвежатами, сестра Лизунья – облизать свои и чужие миски, а Копуша всё копалась и копалась...

Из всех медвежат Копуша была одна такая спокойная, добрая. Ей можно было без опаски дать в рот палец, отобрать корм. Не то что Драный Нос. Тому не дашь палец. Подойдёт, полижет – и вдруг вцепится, да так, что не оторвёшь. Он и к другим медвежатам всегда приставал. Слабый, а в драку лезет. Недаром с вечно драным носом ходил, оттого его так и прозвали.

Копуша была общей любимицей. Она и играла как-то по-особенному: медленно, важно. Бывало, перевернётся

через голову, а потом сядет и смотрит: в чем дело, почему дерево с другой стороны очутилось?

Всех больше она дружила с самой молодой юннаткой – Маней, потому что на Маниных платьях было много пуговиц, а Копуша их любила сосать. Сосать – это любимое занятие медвежат, а Копуши – особенно. Сосала она всё, что попало. Была ли это собственная лапа, пуговица или ухо соседа – всё равно. От удовольствия она только жмурилась глаза и урчала. Вообще Копуша была очень смиренная. Такие медвежата встречаются редко. Обычно они бывают очень вспыльчивые, чуть что – кусаются, а она никогда.

Поэтому, когда меня пригласили в детский сад на утренник с каким-нибудь животным, чтобы рассказать о его жизни, я, не задумываясь, остановилась на Копуше.

В ГОСТЯХ У РЕБЯТ

Приехала за нами машина с утра. Я попросила шофёра подождать и отправилась за Копушей. Копуша любила гулять. Она легко дала надеть цепь, радостно потянула меня из клетки и, неуклюже приشلёпывая лапами, побежала вперёд. Но вот подошли к машине. Машина стояла чёрная, незнакомая, страшная и была совсем не похожа на тех зверей, которых видела Копуша. Она очень испугалась. Поднялась во весь свой маленький рост, глазёнки сделались круглые, губы вытянулись в трубочку, и так стояла не шевелясь. Потом вдруг испуганно повернулась и бросилась бежать. Удержала я её с трудом... Держала крепко, не давала уйти, и Копуша испугалась ещё больше. Откуда взялась и силёнка! Она упиралась всеми четырьмя лапами, хваталась за все предметы и так кричала, что со всего Зоопарка сбежались люди. Пришлось сажать её в ящик и потом уже ставить в машину.

Всю дорогу кричала, стонала и царапалась Копуша. Успокоилась только около детского сада. Я была очень

рада, потому что хотела сделать ребятам сюрприз, а она своим криком могла всё испортить.

Копушу поместили в одной из комнат, а я пошла в столовую к ребятам. Несмотря на тайну, они, наверно, кое-что знали: нетерпеливо вертелись на стульях, поглядывали украдкой на дверь и таинственно шептались. И всё-таки, когда Копушу привели, раздалось общее «ах», потом: «Мишка, на!» – и всё, что было на столе, очутилось перед ней.

Нужно ли говорить о том, что уж тут Копуша не испугалась. Она быстро оценила вкус яблок, конфет и печенья. Выбирала то одно, то другое, слизывала самое вкусное. Скоро её брюшко стало похоже на барабан, она едва ходила и смотрела посоловевшими глазками.

Ребята были в восторге. Они не знали, что делать. Ходили за Копушей по пятам, наперебой ласкали и всё упрашивали ещё съесть хоть кусочек.

Уехали мы очень поздно.

Ребята провожали Копушу, просили привозить её ещё, совали на дорогу сластей. Обратную дорогу она вела себя тише – не кричала, не царапалась. Чтобы не вести её на цепи, мы подъехали прямо к клетке. Вытащили из машины ящик, открыли и... ахнули. Посадили туда медвежонка, а вылез кондитерский магазин. Вся морда и голова Копуши были вымазаны кремом. К крему прилипли кусочки печенья, из мягкой шерсти торчали конфеты, а во рту она держала большое яблоко. В таком виде её не узнали даже медвежата.

Как только Копуша вылезла, все двадцать пять медве-

жат,
словно по
команде,

очутились на самой верхушке дерева. Зато что было, когда они её узнали и спустились вниз! Бедная Копуша! Она не знала, куда деваться. Вся медвежья стая преследовала её по пятам, вырывала с шерстью прилипшие конфеты, отняли яблоко, а Дранный Нос чуть не откусил ей вместе с кремом ухо.

В этот день медвежата улеглись очень поздно. Они крепко спали, а Копуша, вся ободранная и обсосанная, ещё долго ворочалась с боку на бок и обиженно стонала.

НЕУДАВШАЯСЯ СЪЁМКА

В Зоопарке снимали картину, называлась она «Насекомые». В этой картине снимались разные букашки, бабочки, жуки и большой ёжик.

Клетки у нас все были заняты, и мы, не долго думая, поместили колючего «артиста» к Копуше.

Ёжик был старый и сердитый, но нужно сказать, что с медвежонком он ужился преотлично. Он даже не колол Копушу, когда она, приглашая поиграть, толкала его лапой, а только сердито сопел.

Копуша тоже снималась в кинокартине. Роль её была небольшая: залезть на дерево, открыть улей, достать мёд. Чтобы во время съёмки не вышло ошибки, решили её приучить. Для первого раза поставили улей на землю, положили в него мёд и пригласили Копушу. Копуша подошла недоверчиво. Вещь незнакомая, страшно: вдруг что выскочит, укусит, а Копуша была труслива. Долго ходила она вокруг улья: то понюхает его, то потрогает; потом увидела, что страшного ничего нет, стала на задние лапы и полезла в отверстие носом. Нос потянул воздух и сказал, что пахнет вкусным.

Копуша заволновалась. Вкусное надо достать. Она попробовала сунуть туда голову, но голова была большая и не влезала. Напрасно Копуша старалась её втиснуть и поворачивала то одной, то другой стороной – ничего не выходило. Тогда она сунула лапу. Лапа прошла свободно. Копуша открыла улей, достала мёд... Конечно, он пришёлся ей по вкусу. Она облизала языком всё-всё, даже доски. Потом легла и, урча, засосала лапу.

В следующий раз мы повесили улей на дерево. Я залезла с другой стороны по лестнице, клала мёд и звала «артистку». «Артистка» кубарем катилась к дереву, быстро влезала и выполняла всё, что от неё требовали. Эти занятия ей так понравились, что она даже лазила, когда не нужно. Впрочем, это продолжалось недолго.

Недаром Копуша считалась у нас умницей. Скоро она заметила, что мёд бывает там только тогда, когда влезаю я, и после этого открытия стала зорко следить за мной. Не было возможности залезть незаметно на дерево. Как только я появлялась на площадке, Копуша бросалась ко мне. Я – к дереву, она – за мной. Неуклюжая, а бегала быстро, нипочём не уйдёшь. Поймает за ноги, тащит, кричит, а не дашь мёда – ещё укусит. Однажды целую банку отняла, всё съела и даже не моргнула.

«Ну, – думаю я, – на тебя не напасёшься, буду лучше в клетку запирать и выпускать, когда всё приготовлю». Так и сделала. Копуше это не понравилось. Чего она только не вытворяла! Кричала, рвала сетку, потом смешно складывала лапки и просила её выпустить.

От такой «артистки» режиссёр был в восторге. Ему не терпелось её скорее заснять.

Но вот наконец наступил долгожданный день съёмки. С утра светило солнышко, а мы волновались, торопились, готовились. Внутри улья уже находились посаженные туда заранее пчёлы, а режиссёр ещё раз проверил, всё ли на месте. И вдруг случилось то, чего никто не ожидал: Копуша скинула лапой крючок, открыла дверь и вышла.

Какой поднялся переполох, сказать трудно! Все до одного бросились наперерез «артистке». Каждый старался её схватить, задержать. Но с невиданной для медведя ловкостью увёртываясь от ловивших её рук, Копуша всё-таки вскарабкалась на дерево. Она так спешила, что не заметила маленьких точек, которые зловеще летали вокруг.

Привычным движением просунула она в отверстие лапу, и тут... тут вылетела чёрная гудящая масса и окружила Копушу. Сначала она пробовала бороться с пчёлами. Била их то одной, то другой лапой, закрывала морду. Но пчёлы лезли в нос, в уши, в глаза, забивались в шерсть и так кусались, что Копуша даже забыла про мёд. Кубарем скатилась она с дерева, валялась по земле, кричала, потом вскочила и без оглядки помчалась в клетку.

Одним словом, она сделала всё, что было нужно, но снять её не успели. Заставить же ещё раз лезть на дерево не могли. Не помогла и банка с мёдом. А утром, вся распухшая от укусов, больная и скучная, она отказывалась и от пищи.

Этим и кончился неудавшийся Копуше номер с кражей мёда и её карьера «артистки».

НЮРКА

Нюрка была очень смешная. Такая толстая, курносая и, как у всех моржей, с торчащими во все стороны жёсткими, как щетина, усами. Эти усы и круглые влажные глаза придавали ей особенно забавное выражение: глупое и в то же время важное. Но это только казалось. На самом деле Нюрка была очень умна.

Привезли её в Зоопарк с острова Врангеля. Тяжёлый, далёкий путь совершила она на пароходе и поездом, в тесном ящике без воды. Приехала худая, истощённая, с большими открытыми ранами на спине и боках.

Ухаживала за ней я: промывала раны, чистила клетку, кормила. Кормила рыбой – давала ей чищеную, без костей и мелко-мелко нарезанную. Иначе было нельзя: ведь Нюрка была ещё ребёнок. Самый настоящий грудной ребёнок, только моржиный. Она даже не умела сама есть. Брала корм из рук кусочками, втягивала в рот вместе с воздухом, и получался такой звук, как будто хлопнула пробка. Съе-

дала она в день по четыре-пять килограммов рыбы, иногда и больше. Давали ей ещё стакан рыбьего жира.

Привыкла ко мне Нюрка скоро. Возможно, потому, что я за ней ухаживала и кормила. Узнавала меня издали. Приветствовала глухим, отрывистым гуканьем, похожим на лай собаки, и, неуклюже переваливаясь на лапах, спешила навстречу.

Моржонок был очень сообразительным. Не всякая собака обладает таким «умом».

Например, Нюрке не нравилось, если я скоро уходила из клетки и ей приходилось оставаться одной. Только я к двери, а Нюрка уже загораживает собой выход, злится, кричит, не пускает. Хоть жить оставайся тут с ней! Иногда даже зло возьмёт: тут спешишь, времени нет, а она дверь открыть не даёт. Приходилось пускаться на хитрость.

Брала я корм, относила его в самый дальний угол клетки и, пока Нюрка ела, быстро убегала. Однако в моей хитрости Нюрка разобралась довольно скоро. Уже через несколько дней, как только я делала движение бежать, бросалась она в бассейн и, конечно, переплывала его раньше, чем обегала я. Приваливалась туловищем к двери и не давала её открыть. А попробуй отодвинь толстуху, если весит она девять пудов! Держала меня Нюрка обычно в плену до тех пор, пока она со мной не наиграется. А легко сказать – наиграться, если играла она по-своему, по-моржиному! То в воду приглашает поплавать, то носом старается спихнуть. Одна в воду лезть не хотела. Бассейн был маленький, неудобный, да и скучно одной.

Большую часть дня Нюрка лежала на берегу и спала. И вот, чтобы заставить моржонка больше двигаться, я решила выводить его на прогулку.

Однако это было не таким лёгким делом, как казалось на первый взгляд. Нюрка никак не хотела выходить из клетки.

Я открывала дверь, отходила, звала её. Нюрка нетерпе-

ливо кричала, высовывала морду, но порог переступить не решалась.

Приучала я её постепенно. Манила рыбой и за каждый сделанный шаг давала кусочек. Так шаг за шагом уходили мы всё дальше и дальше. Гуляли недолго. Песком Нюрка натирала себе лапы, да и много ходить ей было трудно. И всё-таки она прогулки любила.

Гуляли мы вечером, когда уходили последние посетители и свистки сторожей извещали о закрытии парка. Вот эти-то свистки и служили Нюрке сигналом. Услышав их, она высматривала меня на дорожках парка, потом бросалась навстречу, помогала открывать дверь. Я снимала с двери замок, а Нюрка толкала её носом. Научилась она открывать и щеколду. Во время уборки, чтобы Нюрка не мешала, я выгоняла её из клетки, сама же запиралась внутри. Сначала она кричала, старалась попасть обратно, потом приспособилась: ударом носа выбивала щеколду и открывала дверь. Удар её носа был очень сильный.

Помню, однажды, когда Нюрка была больна, пришёл врач. Отнеслась она к нему недоверчиво: вытягивала навстречу ему голову и, широко открывая пасть, угрожающе редела. Напрасно я убеждала врача не трогать Нюрку. Несмотря на предупреждение, он всё-таки подошёл, протянул руку, но не успел дотронуться – морж резким ударом головы отбросил его в сторону.

Удара такой силы не ожидала даже я. С тех пор Нюрка никогда не подпускала к себе врача.

Зимой бассейн замёрз, и Нюрку перевели в закрытое помещение. Вместо меня стал за ней ухаживать служитель Нефёдов.

Толстая, неповоротливая Нюрка понравилась ему сразу. Он старался дать ей лишний кусочек рыбы, баловал и обижался, что Нюрка меня знала лучше.

– Вы бы ходили пореже, – просил он меня, – пусть отвыкнет.

Чтобы не обидеть старого служителя и дать время Нюрке к нему привыкнуть, я перестала её навещать. Прошёл месяц. За этот промежуток я очень соскучилась по своей ластоногой приятельнице, да и было интересно, узнает она меня или нет. Проходила я как-то мимо и решила зайти.

Нюрка лежала под водой. Её совсем не было видно. Только изредка высовывался кончик носа и, набрав свежую струю воздуха, скрывался опять.

Я окликнула Нюрку совсем тихо, но мой голос она узнала сразу, даже под водой. Откуда взялась и ловкость! В одну минуту очутилась Нюрка на берегу. Поднялась на дыбы, и не успела я отскочить в сторону, как два передних ласта тяжело придавили мне плечи.

По пальто стекали струйки воды, мокрая усатая морда ласково тыкалась в лицо, а я, с трудом переводя дыхание, еле держалась на ногах. Шутка ли сказать – навалилась такая туша! Чуть не раздавила меня, и всё от радости! Насилу освободилась.

Когда я уходила, Нюрка подбежала к решётке, смотрела вслед и долго надрывно охала. Говорили, что у неё даже текли слёзы и в этот день она ничего не ела.

А ночью своим тяжёлым телом продавила Нюрка сетку и вышла в коридор. Открыла одну дверь, другую, поднялась по крутой чердачной лестнице наверх и вылезла через слуховое окно на крышу. И вот в ночной тишине послышался её громкий крик. Её увидел там сторож. Несколько человек осторожно на полотенцах снесли Нюрку вниз и водворили на прежнее место.

Больше она сетку не рвала и не выходила, и никто не мог понять, почему она это сделала в тот день.

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

НАШ ВОРОБУШЕК ПИК

Скворечник у нас новый и красивый. Со всех сторон мы обили его корой от берёзы, и он стал похож на настоящее дупло. Все знакомые, которые приезжали к нам на дачу и которым мы показывали скворечник, говорили, что скворцы его займут сразу, как только увидят. А нам так хотелось, чтобы в нашем молодом садике поселились скворцы и пели по утрам свои песни.

Повесили мы скворечник двадцать второго марта, в тот день, когда все школьники встречают прилетевших из тёплых стран птиц. Повесили его на высокий шест, а шест прикрепили к берёзе. Но в этот день скворцы ещё не прилетели, и, чтобы домик не заняли воробьи, мы заткнули отверстие тряпкой.

И хорошо сделали, что заткнули, потому что у нашего соседа, который тоже повесил скворечник, но отверстие не заткнул, сразу поселились воробьи.

Приезжали мы на дачу каждое воскресенье. Ведь в марте работы в саду много: мы обрезали сухие сучья, белили стволы яблонь, груш, а когда отдыхали, то видели, как трудились у соседней воробушки. Они без усталости таскали какие-то соломинки, пёрышки и строили гнездо.

Одного из них, с коричневыми крылышками и красивой чёрной грудкой, мы прозвали Пик. Потому что он часто, вместо того чтобы чирикать, говорил на своём воробьином языке «пик, пик».

Зато его подруга, серая воробиха, у которой не было таких красивых крылышек и чёрной грудки, чирикала, как все воробьи.

Переехали мы на дачу в апреле, когда снег уже почти сошёл.

Повсюду торчала молодая зелёная травка, а на деревьях около домов сидели и распевали скворцы.

Они сидели и около нашей скворечни, но попасть туда не могли, потому что отверстие ещё было закрыто.

Я хотела его открыть, но тут моё внимание привлёк птичий шум у соседа.

Там, около домика, где поселился со своей подругой Пик, шёл бой за гнездо.

По-видимому, он начался уже давно. Воробихи нигде не было видно; очевидно, она уже отступила. Зато Пик отступить не собирался.

Он продолжал сидеть в гнезде и мужественно отражал нападение двух скворцов. Несколько раз они хватили его за серую шапочку и пытались вытащить, но Пик каждый раз вырывался и, оставляя у них в клюве кусочек пуха, опять скрывался в домике.

Не знаю, кто бы вышел победителем; почему-то мне хотелось, чтобы им был именно Пик, но тут вмешался сосед. Он подставил к дереву лестницу, влез на неё и выгнал из скворечника воробья. Нужно было видеть, как кричал и волновался Пик, пока сосед выбрасывал его гнездо, и как пытался вновь отбить уже занятый скворцами домик.

Наконец, весь избитый, с торчащими во все стороны перьями, маленький храбрец должен был отступить. Тяжело дыша, уселся он на заборе рядом с подлетевшей к нему воробьиной. Куда девалась его серая шапочка! Вместо неё виднелась белая лысинка, по которой теперь Пика было легко отличить от других воробьёв.

Нам стало жаль бедного воробьишку, и хотя всем хотелось, чтобы в домике жили скворцы, тут же решили передать его воробьям.

Отверстие открыли. Пик сразу туда влетел, потом вылетел, что-то прочирикал воробьишке и с прежним усердием принялся за постройку нового гнезда.

Через несколько дней жилище было готово, а вскоре из него послышался писк воробьят. Они пищали целые дни, и родители едва успевали носить им корм.

Свою работу воробьи начинали с самого рассвета. Они без устали собирали разных гусениц, червячков и запикивали их в открытые рты птенцов. Воробьи приносили им пищу через каждые две-три минуты, я даже проверяла по часам. Иногда, устав, кто-либо из родителей садился на скворечник. Посидит, почистит пёрышки и опять летит за кормом. Они трудились весь день, а сами питались лишь урывками.

Впрочем, Пик оказался воробьём сообразительным. Вскоре, догадавшись, где можно поживиться, он стал залетать на нашу открытую террасу и клевал оставленные на столе крошки. Он понял и то, что его никто из нашей семьи не собирает обижать, и вообще перестал бояться. Не успевала живущая с нами тётя Паша накрыть на стол, как он тут же появлялся. Прыгал среди посуды, заглядывал в тарелки, чашки или усаживался на краю хлебницы, чтобы полакомиться мягкой булкой. Пик даже знал часы, когда полагалось накрывать на стол. Заранее садился на ближайшее дерево и был очень недоволен, если обед запаздывал.

Всё это было смешно и интересно, пока Пик хозяйничал на столе один.

Потом мы увидели его с воробьиной, а затем, когда птенцы достаточно подросли, он привёл за собой всех семерых воробьят.

Правда, посадил он их за стол не сразу. Первое время они чинно рассаживались на заборе, а Пик носил им туда еду.

Затем Пику, очевидно, надоело летать от стола к забору, и он решил устроиться иначе.

Однажды тётя Паша, накрыв на стол, пошла разогревать суп, когда же вернулась, к своему ужасу, увидела: прямо на хлебе сидел Пик, вокруг него устроились все семеро птенцов, а добрый папаша выклёвывал из хлеба мякиш и совал его в открытые рты своих прожорливых детишек.

Нужно ли говорить о том, как рассердилась тётя Паша! Мало того, что негодник исклевал весь хлеб, но после такого нашествия пришлось мыть не только стол, но и всю посуду.

Однако, несмотря на гнев тёти Паши, семейство Пика упорно продолжало обедать вместе с нами. Тогда, чтобы от него отделаться, было решено сделать для воробьёв специальный столик. Столик сколотили круглый, с бортиком, чтобы не скатывался корм, и высокий, чтобы на него не могла взобраться кошка. Поставили его напротив кухни и каждый день клали на него мочёный хлеб, разные остатки еды, крупу...

Скоро о существовании нашего столика узнали воробьи и других участков.

Они слетались к нам поодиночке и с семьями, чтобы полакомиться даровым угощением. Однако первым прилетал всегда Пик. Это он оповещал всех воробьёв громким криком, что обед уже подан, потом усаживался за столик, клевал корм, а следом за ним слетались и клевали другие воробьи.

– Зачем вы приваживаете в сад воробьёв, ведь они вредные! – не раз говорили нам соседи.

Но у нас были свои убеждения. Недаром мы всё лето наблюдали за пернатыми жильцами. Своих птенцов воробей кормит личинками, гусеницами. А сколько их нужно набрать, чтобы прокормить такое прожорливое потомство! Посчитайте и узнаете, как полезен воробей, особенно в садах возле города.

– Да, но клубника! – возражали соседи. – Утром встанешь, сколько ягод поклёвано.

– Правильно, мы и сами на воробьёв думали. Даже чучело на гряды ставили, чтобы их отпугивать, а оказалось, это слизняки по ночам ягоды объедали.

Тётя Паша тоже выходила из кухни и включалась в спор.

– Сама, своими глазами видела, – твёрдо заявляла она, – как воробей из яблока вредителя тащил. Нарочно смотрела!

И действительно, мы не раз наблюдали, как Пик собирал с яблонь гусениц плодояжорок и относил их птенцам. Вообще Пик держался в нашем саду так, словно он был здесь хозяином.

Он даже ухитрился поделить с нашей собакой Джальмой свои родительские обязанности по охране птенцов.

Началось с того, что к нам забрела кошка. Увидев воробьят, она стала к ним подкрадываться. Пик сразу догадался, какая опасность грозит его птенцам. Он отважно бросился навстречу кошке и поднял такой крик и шум, что Джальма выскочила посмотреть, в чём дело. Увидев кошку, она с яростным лаем бросилась на неё, а та, едва успев увернуться, помчалась по дорожке сада, преследуемая собакой. Кошка уже давно скрылась, а Пик ещё долго шумел и что-то возбуждённо кричал на своём воробьином языке.

После этого случая стоило какой-нибудь кошке появиться на участке, как он поднимал крик, даже если птенцам не грозила опасность.

Джальме тоже нравилось гоняться за кошками. Она скоро научилась понимать Пика, и стоило ему зашуметь, как собака бросалась искать виновника.

Словом, выходило так, что Пик охранял не только птенцов, но и сад. И нужно сказать, что свою обязанность сторожа он нёс превосходно, и ни одна кошка не могла к нам проникнуть незамеченной. Особенно это оценила тётя Паша.

Благодаря Пику днём не приходилось закрывать от случайных кошек дверь кухни и сидеть в духоте, как это

делали соседи. А после того как Пик обнаружил кошку, которая из продуктовой сумки пыталась вытащить мясо, он окончательно покори́л сердце тётки Паши. Теперь она Пика, в отличие от других Воробьёв, называла только по имени, не сердилась, когда пернатый проказник залезал в тарелку, и следила, чтобы на птичьем столике всегда лежала еда. Если же воробьи иногда садились на вишню и клевали ягоды, то уверяла, что Пика среди них нет, хотя светлая лысинка на голове всегда его выдавала.

Впрочем, мы тоже на Пика за вишни не сердились. Ничего, если он немного ими полакомится. Зато мы сами видели, сколько червячков и гусениц переловил он со своей воробьиной для птенцов.

Наш сад навещало и много других птиц. Они распевали песни, ловили мошек, собирали насекомых, но ни одна из них не доставила нам за лето столько приятных и весёлых минут, сколько доставило это воробьиное семейство.

И если на будущий год Пик со своей подружкой поселится снова в нашей скворечне, мы все будем очень рады.

ХРОМКА

Наступило лето. Яблоки на деревьях были ещё совсем зелёные. А вот клубника уже начала поспевать. То там, то здесь виднелись на грядках порозовевшие ягоды, и Марина каждый день ходила их смотреть. Уж очень ей не терпелось скорей полакомиться вкусной клубникой.

Первыми созрели те ягоды, которые росли на самом припёке.

Они аппетитно краснели среди зелёных листьев и казались особенно вкусными.

Марина хотела их сорвать, но я уговорила подождать до утра: пусть еще дозреют.

Утром Марина встала пораньше, взяла корзинку и отправилась в сад.

Подошла к грядкам и вдруг с удивлением остановилась: все зрелые ягоды были кем-то объедены. От обиды Марина чуть не расплакалась.

– Нечего из-за пустяков расстраиваться, – стала утешать я внучку. – Завтра другие поспеют, вот и соберёшь!

На другой день Марина встала ещё раньше, а ягоды опять объедены. Так и повелось.

Пока клубника розовая, никто её не трогает, а как созреет вся в дырочках, будто её клевал кто, но кто, мы никак не могли догадаться. Сначала думали, что это проделки воробьёв. Чтобы их отпугнуть, поставили на гряды чучело.

Туловище ему сделали из старого пиджака, а вместо головы нахлобучили кепку. Ну совсем будто живой человек стоит, а для пущего страха к рукавам пиджака подвесили тряпки. Они от ветра шевелились, и воробьи даже близко к грядам не подлетали, а клубника всё равно объедена.

Стали следить и скоро настоящих воров обнаружили. Ими оказались совсем не воробьи, а слизняки.

Лето было дождливое, сырое, и слизняков развелось очень много. Пробовали мы их собирать, но они появлялись на грядках ночью, и в темноте их никак не разглядишь.

Так бы, наверное, и остались без ягод, если бы не объявился у нас вскоре помощник. А помощником этим оказалась самая обыкновенная серая жаба.

Появилась она в нашем саду незванно-негаданно. Пошли мы с Мариной за водой, открыли калитку, смотрим – жаба.

Она сидела около самого порога калитки, и так близко, что Марина едва на неё не наступила. А жаба даже не посторонилась, глаза выпучила и дороги не уступает. Марина испугалась: уж очень жаба показалась ей страшной. Спряталась она за меня и говорит:

– Фу, какая противная! Не пускай её в сад, бабушка.

– Почему не пускать? – спросила я. – Жаба не виновата, что с виду такая некрасивая. Зато она полезная. Пусть

заходит, ведь она не только гусеницами, она и слизняками питается, вот и будет их собирать. – С этими словами я открыла шире калитку и отошла в сторону.

Жаба словно поняла приглашение. Она не торопясь перелезла через низкий порожек и неуклюже заковыляла в сторону нашего дома. Там под крыльцом она и поселилась.

Марина первое время жабу боялась. Ещё бы, она была такая некрасивая! Глаза выпученные, кожа вся в бугорках, будто в бородавках. А вдруг дотронешься до неё – и у самой бородавки вырастут! Но когда я узнала о Мариных опасениях, то только рассмеялась: ведь это всё выдумки, от жаб никаких бородавок не бывает.

В доказательство я поймала жабу и долго держала в руках. Бородавки у меня не выросли, но Марина всё равно боялась её трогать.

Как я и ожидала, жаба оказалась отличной помощницей. Теперь нам уже не приходилось мучиться и собирать слизняков. Жаба отлично справлялась с ними и без нашей помощи.

Она охотилась за слизняками так старательно, что уже через несколько дней Марина начала собирать вкусные, наливные ягоды.

На свою работу жаба выходила всегда под вечер. Едва начинало смеркаться, как она вылезала из-под крыльца. Некоторое время бродила возле дома, а потом отправлялась за добычей в сад или в огород. К такому распорядку нашей помощницы мы уже привыкли и вечерами всегда глядели под ноги. Ведь жаба совсем нас не боялась. Она знала, что её здесь никто не обидит, смело сидела на дорожке и даже не сторонилась, если рядом проходил человек. Поэтому, когда темнело, мы были особенно внимательны, чтобы случайно на неё не наступить.

И всё же такая беда случилась. Однажды к нам на дачу приехали знакомые. Мы забыли их предупредить, кто-то из гостей вышел вечером в сад и нечаянно придавил нашей жабе лапку.

С большим трудом добралась она до крыльца, здесь её утром и увидела Марина.

Забыв, что боялась трогать её скользкую бородавочную кожу, Марина схватила жабу на руки, прижала к себе и, называя «красивой, милой и дорогой жабочкой», побежала ко мне.

Мы тут же осмотрели больную лапку. Ссадин на ней не было, но сама лапка была как-то вывернута, и пришлось её забинтовать. Всё это время жаба спокойно сидела на руках у Марины, будто понимая, что мы хотим ей помочь. Потом мы отгородили на террасе угол и пустили туда жабу: пусть поживёт пока здесь, ведь не могла она с больной лапой добывать себе еду.

Хромка, как мы стали называть жабу, отнеслась к своему плену спокойно. Она даже не пыталась перелезть через доски, которыми её отгородили. Зато теперь мы могли сами убедиться, как много она ела.

Мы только и делали, что целые дни добывали для

нашей больной то гусениц, то слизняков... Да, досталось нам это время! Ещё хорошо, что наша больная скоро поправилась.

Правда, лапка у Хромки так и осталась немного кривая, но она уже на неё довольно хорошо наступала.

Когда мы Хромку выпустили, она, вместо того чтобы идти за добычей на огород, в первый же вечер заявила к нам в дом. Видно, за время болезни она успела привыкнуть получать еду из рук и это ей понравилось больше, чем добывать пищу самостоятельно. Больная лапка ей очень мешала взбираться по крутым ступенькам террасы. Этот путь она проделывала с большим трудом, но всё-таки приходила. Марина каждый раз угощала её большой, жирной гусеницей. Хромка брала угощение прямо из рук Марины и только после этого отправлялась в сад на охоту.

Мы уже привыкли к таким каждодневным посещениям, но вот однажды Хромка не пришла. Сначала мы её ждали; когда же прошло несколько дней, а она всё не появлялась, пошли её искать. Вместе с Мариной обыскали весь сад. Оторвали доски ступенек и лазали под крыльцо, разобрали поленницу дров, а Хромку так и не нашли. Марина проливала горькие слёзы, я ей предлагала взять другую жабу, но она даже не хотела слушать, и я не знала, чем ей помочь.

Прошла неделя. Мы уже потеряли надежду увидеть Хромку, когда неожиданно она нашлась. Нашли мы её в большой глубокой яме около нашего сада.

Эту яму вырыли недавно, для электрического столба, вот в неё-то и попала наша Хромка. Выбраться из глубокой ямы, да ещё с больной лапкой, она не смогла. К тому же в эти дни прошёл сильный дождь и в яму натекло много воды. Бедняга сидела на маленьком выступе, еле уцепившись за него лапками, и тоненько, жалобно кричала. Вот этот писк мы и слышали. Думали, что в яму попал котёнок, поспешили к нему на помощь, а это оказалась

Хромка. Мы её сразу узнали по кривой лапке. Я хотела достать беднягу, но никак не могла дотянуться до неё рукой. Тогда Марина побежала домой и мигом вернулась с сачком, которым она ловила бабочек. Я осторожно подцепила им Хромку, вытащила и понесла домой.

Наверное, Хромка была очень измучена. Во всяком случае, когда Марина принесла ей гусениц, она не стала их есть и сразу заковыляла на своё место под крыльцо. Целых два дня отдыхала Хромка, а потом опять, как и раньше, с наступлением сумерек отправлялась в сад, в огород и наведывалась к нам в гости, неуклюже взбираясь по ступенькам.

Она навещала нас каждый вечер, до самой осени, а осенью, когда настало время холодных ночей и всем жабам пришла пора ложиться в зимнюю спячку, наша Хромка опять пропала.

Однако на этот раз мы её не искали. Мы знали, что Хромка тоже ушла в своё убежище под крыльцом и уснула до тёплых весенних дней.

ДРУЖБА

В то лето я поселилась у одного лесника. Изба у него стояла на полянке, окружённая лесом, и через усадьбу, журча по камешкам, бежал узкий ручеёк. Сам лесник Иван Петрович был ещё и охотник. В свободное от работы время он брал собаку, ружьё и отправлялся в лес. Собака у него была большая, сильная, с тёмной, почти чёрной спиной. Звали её Дагон. Во всей округе не было гончака лучше Дагона. И уж если возьмёт он след лисы, то, на какие бы хитрости плутовка ни пускалась, от Дагона ей не уйти.

Охотился Иван Петрович с Дагоном поздней осенью и зимой. А весной и летом, когда охота за лисицами запрещена, сажал его на цепь.

– А то набалуется, – говорил он.

Но мы с сыном лесника Петей всё же ослушались и, когда Иван Петрович однажды уехал в город, взяли Даго-

на с собой в лес. Он радостно мчался впереди, ко всему принохиваясь, то исчезая среди деревьев, то появляясь вновь. Вдруг совсем рядом раздался его громкий, басистый голос. Я обернулась. Около большого старого пня лаял и прыгал Дагон. Он старался что-то достать из-под корней и даже от злости грыз зубами кору.

– Наверное, ёжика нашёл! – крикнул мне Петя. – Сейчас достанем!

Я схватила Дагона за ошейник и оттащила в сторону, а Петя взял палку и сунул под пень, чтобы вытащить ёжика. Но не успел он засунуть палку, как оттуда выскочил маленький серый зверёк и бросился бежать.

– Лисёнок! Лисёнок! – не своим голосом завопил Петя, кидаясь за ним.

Лисёнок был маленький и неопытный. Он метался под самыми ногами мальчика, но Петя никак не мог его поймать. Я тоже не могла ему помочь, так как еле удерживала Дагона, который так и рвался к зверьку. Наконец зверёк пойман, и мы, счастливые, возвращаемся домой.

Дома Петина мать пробовала возражать против нашей находки, но Петя так упрашивал, что Прасковья Дмитриевна наконец согласилась.

Ладно уж, держи, только отец всё равно не позволит, – в заключение сказала она.

Но отец разрешил, и лисёнок остался. Первым делом

Петя притащил из сарая ящик, и мы принялись за устройство клетки. Одну сторону затянули сеткой, прорезали дверцу, а когда всё было готово, постелили туда солому и пустили лисёнка. Маленький пленник сразу спрятался в самый тёмный угол ящика и отказался от предложенного ему мяса.

Весь остаток дня лисёнок просидел в углу, а когда наступила ночь, начал скулить, тьявкать и так царапал лапками сетку, что даже сорвал себе палец. Петя очень огорчился, увидев утром раненую лапку лисёнка, но мы его утешили, сказав, что зато лисёнок меченый и если уйдёт, то сразу узнаем по следу.

Следующие дни мы только и делали, что пытались приручить маленького дикаря. Однако все наши старания были тщетны. Едва кто-нибудь подходил к клетке, как он тут же забивался в свой угол и сердито ворчал. Дагона это время мы с цепи не спускали. Ведь он мог разорвать тонкую сетку ящика и загрызть лисёнка.

Но как-то, сидя с Петей на крыльце, мы вдруг услышали звон цепи, обернулись и, к своему ужасу, увидели Дагона. Он сорвался с привязи и теперь направлялся прямо к лисёнку.

– Дагон, назад! Дагон! – закричала я, бросаясь к нему.

Но было поздно. Дагон уже стоял около клетки. Шерсть у него поднялась дыбом, и он, злобно рыча, уже готов был броситься на малыша. Но лисёнок, вместо того чтобы спрятаться от огромной злой собаки, вдруг заскулил и пополз к ней навстречу. Он вилял хвостом, лез чуть ли не в самую пасть собаки и всё старался её лизнуть.

Такой приём, по-видимому, смутил и самого Дагона. Стоявшая дыбом шерсть легла, и уже без всякой злобы он старался обнюхать через сетку скулившего малыша. Потом завил хвостом и лизнул зверька...

С этого дня между собакой и лисёнком завязалась дружба. Как только спускали Дагона с цепи, он прежде

всего бежал к своему новому другу. И вот – один за решёткой, а другой на свободе – затевали они игру. Лисёнок хватал в зубы какую-нибудь косточку или соломинку, бегал по ящику и всем своим видом приглашал собаку поиграть. А Дагон, словно щенок, прыгал около ящика и лаял. Но лай у него был теперь не сердитый, и лисёнок его не боялся. Нам с Петей очень нравилась такая дружба. Мы даже не огорчились, что зверёк по-прежнему нас дичился и никак не привыкал.

Впрочем, мы и сами больше не пытались его приручать, так как решили, когда наш пленник подрастёт, выпустить его на свободу.

К концу лета лисёнок не только вырос, но и изменился. Мордочка у него заострилась, хвост вытянулся, шерсть стала рыжая, совсем как у взрослой лисы. Он по-прежнему дружил с Дагоном, но прыгать и играть в ящике уже не мог. Лисёнок стал такой большой, что в старом помещении ему было тесно.

– А что, если его выпустить в лес теперь? – предложила я как-то Пете. – Он уже вырос и, пожалуй, сумеет добыть себе еду.

Петя сразу согласился, и тут же, не откладывая дела, мы пустили к нему последний раз Дагона. Потом посадили собаку на цепь, а ящик вместе с лисёнком отнесли к лесу. Поставили, открыли дверцу и отошли в сторону.

Увидев открытую дверцу, лисёнок подошёл к самому её краю, высунул голову и начал оглядываться. Затем осторожно ступил на траву и вдруг как-то скачками бросился в лес. Раза два мы видели, как он мелькнул среди деревьев и скрылся в кустах.

Нам даже стало жалко, что лисёнок ушёл. Мы долго смотрели в ту сторону, где он исчез, а потом Петя грустно вздохнул и, проходя мимо Дагона, сказал:

– Ну, вот и ушёл твой дружок.

Не знаю, скучал ли Дагон без своего друга или нам это

казалось, только и в этот и в следующий день он всё лежал и плохо ел.

Нам тоже было скучно без лисёнка. Мы с Петей даже специально ходили в лес и всё смотрели: не покажется ли он где случайно. Но сколько ни ходили, сколько ни смотрели, лисёнка так и не видели.

Прошла осень, наступила зима. За это время Иван Петрович много раз бывал с Дагоном на охоте. И не было случая, чтобы он возвращался домой без добычи: то у пояса висел убитый заяц, то свисала с плеча красавица лисица.

Увидев убитую лису, Петя первым делом бросился к ней, чтобы посмотреть лапу. Он всё боялся, как бы не убили лисёнка.

— Папа, — каждый раз спрашивал он отца, — а если Дагон на воле встретит нашу лису, тронет он её или нет? Ведь они дружили.

– Мало что дружили, – отвечал лесник. – Разве у собаки со зверем может дружба быть? Пока в доме жила, вроде как своя, а ушла в лес – тут уж не попадайся.

– А ты, папа, всё-таки на след поглядывай, – не унимался Петя. – Если увидишь – на правой лапе пальца нет, значит, наша, не стреляй.

Петя был твёрдо уверен, что Дагон своего лисёнка не тронет. Он беспокоился только о том, как бы его не подстрелил отец.

Однако лиса с приметной лапой не попадалась. Очевидно, она ушла в другой лес, и Петя успокоился.

Но вот однажды, уже к концу зимы, когда Иван Петрович шёл с Дагоном на охоту, тот вдруг поднял лису. Иван Петрович сразу догадался, что это не заяц.

Если Дагон гнал зайца, он лаял часто, заливисто, а если лису, то редко и злобно.

Лиса, видно, попала не очень опытная. Она шла почти по ровному кругу, и Иван Петрович, примерно определив, где должен пройти зверь, поспешил ему наперерез.

Но что это? Почему Дагон внезапно смолк? Лесник забеспокоился. Быть может, собаку перехватил волк, это тоже случается. И он почти бегом направился в ту сторону, откуда последний раз слышался голос собаки. Он не прошёл и двухсот шагов, как наткнулся на след собаки и лисы. Следы шли через овражек и уходили дальше в мелкий кустарник, откуда доносился чей-то визг.

«Лиса визжит», – сразу догадался Иван Петрович, перепрыгнул овражек, раздвинул кусты и остолбенел... На небольшой лесной полянке стоял Дагон, а перед ним, визжа и виляя хвостом, ползала лиса и всё старалась лизнуть в морду собаку.

Иван Петрович медленно стал поднимать ружьё. Лиса насторожилась. Очевидно, она почуяла человека. Перестала ласкаться и медленно, как-то нерешительно направилась к лесу.

Дагон завилял хвостом и побежал рядом с ней. Побоявшись подстрелить собаку, Иван Петрович крикнул Дагона.

Дагон остановился, а лиса, услышав голос человека, бросилась прыжками через поляну.

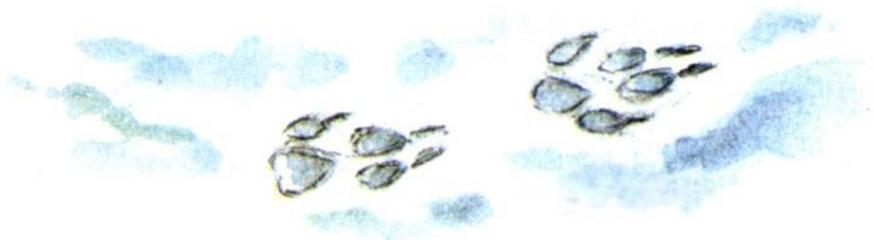
Иван Петрович уже готов был спустить курок, но тут, вдруг что-то вспомнив, он опустил ружьё, подошёл к тому месту, где только что стояла лисица, и стал разглядывать оставленные ею следы. След от правой передней лапы был не такой, как все. На ней не хватало одного пальца, и это хорошо было видно на свежем, чистом снегу. Иван Петрович выпрямился и позвал Дагона. Виновато виляя хвостом и опустив голову, подошёл к своему хозяину Дагон. Он подошёл и остановился, ожидая заслуженного наказания. Но Иван Петрович не наказал Дагона. Он ласково погладил его по голове, свистнул и пошёл домой.

Это был первый случай, когда Иван Петрович вернулся домой без добычи.

Увидев отца с пустой сумкой, Петя удивился. Но когда Иван Петрович рассказал ему, как Дагон встретил знакомую лису, как погнал её, а потом узнал и не тронул, Петя сказал:

– Вот видишь, папа, ты был не прав: значит, собака со зверем тоже дружить может.

И Иван Петрович должен был согласиться, что он действительно был не прав.

СОДЕРЖАНИЕ

МОИ ПИТОМЦЫ

Малышка

Самая смышлёная
Наказанная жадность
Резиновый товарищ
Разоблачённая хитрость
Побег

Фомка — белый медвежонок

Четвероногий пассажир
Секрет болезни
Фомка знакомится...
Фомка становится опасным

Ная — выдрёнок

Маленький приёмыш
В родной стихии
В зоопарке
Побег

Медвежонок

Копуша
В гостях у ребят
Неудавшаяся съёмка

Нюрка

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Наш воробушек Пик

Хромка

Дружба

Серия «Школьная библиотека»

Чаплина Вера Васильевна
МОИ ПИТОМЦЫ

*Книжное литературно-художественное издание
для детей младшего и среднего школьного возраста*

Художник

Черноглазов Владимир Юрьевич

Главный редактор А. Алир
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка С.А.Баварова
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск А.В.Сенюшов

Подписано в печать 30.03.2015.
Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 7.
Гарнитура «Школьная».
Тираж 20 000 экз. Заказ № 4305.

ООО «Самовар-книги»
125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.
Информация о книгах на сайте www.knigi.ru
Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»
(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru
Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».
170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.
Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51.

Артикул К-ШБ-93
ISBN 978-5-9781-0983-2

© В.В. Чаплина, наследники, текст.
© ООО «Самовар-книги»,
составление, серийное оформление.
© РИО «Самовар-1990», иллюстрации.

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Владимир Черноглазов

9 785978 109832 >